

Автор: Понорницкая Илга (Басова Евгения Владимировна)

Книга: Эй, рыбка!

Повесть: Эй, рыбка!

Учитель русского по прозвищу Кирпич весь сделан из одних прямоугольников. Можно начать рисовать его с фигуры – с прямоугольных брючин, пиджака, ботинок. А можно – с прямоугольного высокого лица, увенчанного квадратом лысины. На лысину с двух сторон прямоугольниками наезжают пряди оставшихся волос. Прямоугольные уши похожи на ручки от горшка, который нам задают по рисованию. Прямоугольные стекла очков (под ними глаза – две еле заметных щелочки, их можно вообще не делать, если торопиться), прямоугольный нос, два тонких, вытянутых прямоугольника губ. Шея у Кирпича такой же толщины, как голова. Прямо и коротко уходит она в воротник рубашки.

Кирпича легко рисовать. Даже у тех, кто ничего больше рисовать не умеет, Кирпич наш все равно получается похоже.

Кирпич вызывает Сашку Боброва к доске и, не вставая с места, диктует ему предложение для разбора, а Бобров тем временем за спиной учителя рисует во всю доску его портрет. Кирпич никак не может понять, отчего все смеются. Он не догадывается посмотреть на доску, а сначала поднимает нас одного за другим и спрашивает, отчего нам так весело. Все ухмыляются, перемигиваются, но никто не выдает Боброва. А в тот момент, когда Кирпич, наконец, догадается оглянуться, Бобров уже лихорадочно стирает свое произведение, шуруя по доске не только сухой, крошащей мелом тряпкой, но и обоими руками школьного пиджака, вдобавок помогая себе животом.

Учитель глядит на перемазанного мелом Боброва, на белое пятно во всю доску, которое только что могло быть чем угодно, только не предложением для разбора.

Бобров отправляется в угол – и угол возле доски будет до конца урока той сценой, с которой нас будут смешить до упаду, копируя за спиной Кирпича каждый его жест, синхронно с ним молча открывая и закрывая рот – такая вот пантомима.

Сашка Бобров – всеобщий любимец. Ему прощается то, что никогда бы не простилось другим. Точнее, ему прощается то, что другим сделать и в голову бы не пришло. Учителя только дивятся его фантазии.

Гена Минаев – под два метра ростом – и это в нашем шестом классе. Когда-то его лечили гормонами. У Гены усы. У Гены длинные ноги. Он сидит позади меня, и его ноги не умещаются под партой. Одну он еще как-то там поджимает под себя, вторую всегда выставляет в проход, и она тянется мимо моей парты куда-то далеко вперед.

Стенная газета в коридоре, заголовок – на уровне Генкиного пупка.

«Сеятели добра» – такой в ней заголовок.

Кирпич нам объяснял, что это называется игра слов. Слова тоже могут играть, как мы. И даже лучше. Они обожают превращаться друг в друга, меняя смысл. Исчезать на время, прячась друг за дружкой. Сразу не заметишь, не разгадаешь их игру. Это особое чутье нужно иметь, чтобы понять, что превращаясь во что-нибудь другое, они в то же время остаются самими собой.

В стенной газете говорится о том, что в нашей школе дети выращивают цветы. Мы только и делаем, что выращиваем цветы. Для этого надо, конечно, сначала посеять семена. Но таким образом мы все делаем добро. Цветам все радуются. Поэтому мы – сеятели добра. Но добро делаем мы под руководством учителей. Поэт Некрасов, которого мы будем проходить на следующий год, писал учителям: «Сейте разумное, доброе, вечное!». И учителя помнят до сих пор его слова. Поэтому и учат нас выращивать цветы.

На переменах степенный Гена читает стенгазету. Что ему остается еще, когда всех выгоняют в коридор, и он не может читать под партой книжку.

Чтобы что-то в газете разглядеть, ему приходится сложиться под прямым углом, и он всю перемену простаивает так, согнувшись и далеко выставив зад.

Бобров в это время бежит по особо выбранной траектории от туалета к лестнице и назад, от лестницы к туалету, и каждый раз, пробегая мимо читающего Минаева, он ухитряется высоко задрать ногу и пнуть Генку по далеко отставленному заду. Гена каждый раз медленно поворачивается – Бобров уже далеко от него, и Гена, видать, решает не обращать внимания – что он еще может сделать?

Дежурная учительница Кира Петровна ходит по коридору с красной повязкой и каждый раз, когда Бобров приближается, пытается предупредить Генку:

– Минаев! Скорее! За ногу, за ногу Боброва хватай!

Но вот Боброву снова удалось пролететь по своей траектории, пнув налету Минаева быстрым, ловким движением.

Кира Петровна корит Минаева:

– Да с твоим ростом! Быстро схватил его, перевернул вверх тормашками да тряхнул!

Но Минаев и слышать не может про свой рост. И без того ему про него напоминают с утра до ночи. Не выйдешь во двор, не погоняешь с мальчишками в футбол – всегда кто-то крикнет тебе:

– Эй, дяденька!

Да и просто не посидишь на лавочке с друзьями. Обязательно выйдет чья-то бдительная мамаша:

– Мужчина! Что вам от мальчиков надо?

Минаевым плохо быть, а Бобровым – другое дело. В Боброва все девочки влюблены. На математике я получила записку от Вали Новиковой, аккуратистки, каких мало найдешь на свете. Почерк у нее – лучше всех в классе, и этим почерком на четвертушке тетрадного листка, украшенного, вдобавок, завитушками, было написано:

«К тебе пришло письмо счастья. Перепиши его 9 раз и отправь девяти своим подругам. Обязательно до захода солнца. Если ты не сделаешь это, цепочка прервется. Тогда произойдет несчастье. Если ты сделаешь все как надо, то выпей на ночь стакан воды и загадай имя мальчика. Через семь дней он подойдет и предложит дружбу».

Девчонки изводили на письма счастья горы бумаги и отмечали в карманных календариках, в какой день ожидать, что Бобров обратит на тебя внимание.

Будь в этих письмах все правда, бедняге пришлось бы каждый день предлагать дружбу восьми или десяти одноклассникам. Но счастье досталось только одной из нас, Кате Павловой. И это, без сомнения, было справедливо. Катя отличалась от всех нас. И от тех, кто бегал по школе с грязными коленками – вроде меня – и мог запросто хлопнуть соседа книжкой по голове, и от тех девчонок, что только и старались, чтоб взрослые были довольны – зубрили все уроки, на переменах чинно ходили под руку.

Катя была другой, и на всех одноклассниц она посматривала снисходительно, точно знала нечто такое, чего не знал больше никто из нас.

Кирпич перед уроком распорядился: все выйдут из класса, дежурный проветрит помещение и уберет из него все лишнее. Очевидно, имелись в виду мятые бумажки, разбросанные теми, кто был здесь до нас.

Дежурит Бобров.

Звенит звонок. Мы входим в класс, учитель начинает урок, и тут раздаются мальчишечьи голоса:

– Ой, а где мой портфель?

– Ой, и у меня тоже нету...

Кто-то первым бросает взгляд за окно – а там на дорожке и на газоне разбросано штук пятнадцать портфелей.

– Ну... Что ж... Пойдите, помогите ему...

Сроду у нас учителя не называли детей на «вы».

Разве что добрейший, скромнейший Николай Иванович обращался к Таньке Семеновой:

– Я убедительно просил бы вас заняться моим предметом... Электротехникой...

Танька отодвигала в сторону лак для ногтей и, тихо качая ногой, напевала, глядя ему в лицо:

Sorry, I'm a lady,
Sorry, I'm a lady...

Но это было уже три или четыре года спустя.

Сашка с Катей возвращаются в класс, и мы, девочки, понимаем, что уже все. Нет надежды. Катя – вне конкуренции.

Никогда, никогда не смогу я сказать так при всех:

– А можно я пойду помогу?

Горечь разрастается внутри меня, на уровне груди, на уровне горла, выше, выше. Она подталкивает слезы к глазам.

Из другого мира доходит голос учителя:

– Проверим, как вы усвоили тему...

На следующем уроке – биологии – я еще ничего не вижу от слез. Ощупью раскладываю на старой газете какие-то семена – мокрые, склизкие. Они здесь будут сушиться, пока не придет время делать с ними что-нибудь еще.

Понятия не имею, что за семена... Возможно, это знают в том классе, который был здесь до нас...

Биология почти всегда проходит в теплице. Вдоль окон в ящиках зеленеет рассада помидоров. Нам говорят, что мы выращиваем овощи для школьной столовой. На самом деле сроду в столовой не давали помидоров. Там только макароны с килькой в томатном соусе. Или запеканка – тоже из макарон.

Понятно – в школе чуть ли не тысяча детей. Разве хватило бы этих помидоров на всех – хотя бы по одному? Впрочем, никто никогда и не видел, чтобы здесь созревали помидоры. Нас приводят сортировать семена и поливать рассаду, или подметать в теплице пол – сейчас твой класс, а после перемены чей-то еще.

В теплице невероятно скучно. Единственная радость – это золотые рыбки в аквариуме на столе в углу.

Кто-то когда-то поставил здесь аквариум, чтоб начисто о нем забыть.

В зеленой непрозрачной массе угадываются силуэты черных телескопов. Аквариум круглый, и силуэты рыб то расползаются на весь экран, то делаются тонкими – зависит, под каким углом смотреть – то вовсе исчезают в этой торжествующей, наглой зелени, которая здесь всюду. Забившись в уголок, я жду, когда какой-нибудь телескоп опять появится. Но тут учительница замечает меня и гонит снова к семенам. И я не могу даже сказать:

– Давайте я им поменяю воду...

Она не разрешит. Откуда я это знаю точно? И почему так страшно показать, что ты кого-то любишь? Хотя бы этих телескопов...

Скоро меня ждала новая большая любовь.

В детстве любовь сродни дружбе, дружба сродни любви, и выбор предмета не зависит от пола, а может быть, от возраста и от чего угодно. Кто-то за нас выбирает, к кому нам привязаться всем сердцем, да и вообще всем, что у нас там есть внутри, и сколько бы лет ни прошло, мы никогда не усомнимся в том, что выбор был правильным.

Ирка – нездешняя, приехавшая откуда-то издалека. Черноглазая, стриженная под мальчика. Она пришла к нам в конце шестого класса. Будет ли у меня еще когда-нибудь такая подруга? Нечасто случается, что глядя на кого-то в первый раз, чувствуешь – с этим человеком никаких отношений строить не надо. Все уже готово само собой.

По городу мы с Ирккой ходим босиком.

– Такие хорошенькие – и босые! – ахают какие-то парни.

А еще один говорит:

– Какая красивая – та, что с краю!

Мы на всю улицу горланом песни. Ирка знает их массу. У меня все внутри замирает, когда она затягивает на свой манер:

– И вырос я в трущобах га-а-радских....

Иркин папа иногда приезжает за нами на машине, но когда она поет, я не сомневаюсь, что росла она именно в трущобах, и мне жаль, что сама я всю жизнь прожила в нашем городе, и что у меня не черные волосы и не смуглое – как у индейца – лицо. И когда взрослые твердят мне: «Какой красивый, какой золотой цвет волос!» – я морщусь, точь-в-точь как Генка Минаев, когда он слышит о преимуществах своего роста.

Мама не разрешает мне стричься.

Ирка добывает меня однажды, когда я спрашиваю у нее:

– Как мне лучше – с одной косичкой или с двумя?

И она отвечает:

– Какая разница!

Больше ни одна девочка не сказала бы так.

И я чувствую, как моя любовь разливается внутри чем-то тяжелым и мне становится трудно двигаться. Вся я – только вместительнице этой любви.

Вместе мы ловим в спичечные коробки тараканов, чтобы незаметно сунуть в портфель зазнайке Кате Павловой. Вот будет визга!

А заодно и неуклюжему Гене Минаеву – ему так и хочется подложить в сумку что-нибудь такое...неожиданное... А уж заодно и Ване Корневу...

И Кирпичу! В ту сумку, где вместе с нашими тетрадками он носит термос. На уроках он ставит эту сумку перед собой на стол. И, наклонив чуть-чуть к себе, вытаскивает термос. Думает, что это у него получается незаметно. Сидя перед нами за столом, он ежится там у себя за сумкой, и мы слышим, как у него что-то булькает. Это он что-то наливает себе из термоса в стаканчик, а потом пьет, уйдя в свой стол чуть ли не по плечи. Кофе там у него. И в классе сразу начинает пахнуть плохо сваренным кофе. Таким, который просто заварили, как чай. Учитель запивает им какой-то бутерброд. А нам не разрешают жевать на уроках. Если увидят – сразу выходи из класса. Где справедливость?

На русском и литературе многие изображают, что они что-нибудь жуют. А когда Кирпич подходит к тебе, просто широко раскроешь рот, показывая, что там ничего нет.

Кирпича не пробовал дразнить разве что Генка Минаев. Да еще Ваня Корнев, который будет учиться дальше. Ну и, конечно, некоторые девчонки.

А так все дразнят его, кто как захочет... В сумку ему уже пихали дохлого ужа. Бобров пихал...

Еще одну коробку тараканов Ирка специально приберегает для Боброва!

Никто никогда еще не смел так подшутить над ним. Или еще как-нибудь иначе.

На всех коробках мы делаем надписи: «Не открывать!» Когда человек видит такую надпись, он просто не может удержаться, чтобы не открыть и не проверить, что там внутри.

Сашка Бобров сразу просекает, чья это работа. Все думают на него, но он ведь точно знает, что не собирал он этих тараканов. А кроме него придумать такое могла только Ирка.

Которая никогда не расстанется со мной.

Бобров хочет теперь ходить вместе с нами. А я – против. Я не хочу делить Ирку с кем-то еще.

Бобров все же привязывается к нам и не отстает. Иногда мы обманываем его, что встретимся где-нибудь, а сами не приходим, или удираем от него, петляя по кварталам в старой части города. Это называется «отделаться от хвоста». А иногда все же берем его с собой.

Приходит лето, и втроем мы обшариваем все окрестности. Находим загородную ферму, и теперь, когда захочешь, можно пойти к свиньям. Мы так и говорим:

– Пойдемте к свиньям!

На ферме никогда нет взрослых. Вообще, нет людей. Переступая по навозной жиже, мы что-то кричим хавроньям и пороссятам.

Дальше, по дороге, идет птицеферма. Куры несутся прямо в пыли, среди бурьяна. Мы ищем яйца, чтобы подкрепиться. Ирка научила меня пить сырые яйца, и Бобров пьет.

Если за птицефермой свернуть в овраг, подняться на ту сторону, а после идти, никуда больше не сворачивая, попадешь прямо в сумасшедший дом. У них хорошая спортивная площадка, и есть качели. Но трудно перелезть через забор, и взрослые следят, чтобы не было чужих. Дети, наши ровесники и старше, остриженные наголо, прыгают за решетчатым забором – и мы прыгаем с другой стороны, и все кругом кричат и хлопают в ладоши. Все радуются друг другу просто так – ужас, как весело!

В сумерках мы идем через школьный двор, мимо теплицы, и я рассказываю друзьям про рыб. И сразу становится легко, как будто рыбы в запущенном аквариуме жили где-то внутри меня, и мне было тяжело носить их в себе. А теперь о рыбах знают Ирка с Бобровым. Неужто от этого может быть так хорошо?

Бобров по-своему понял приказ убрать все лишнее. От портфелей он избавил всех наших мальчишек, кроме, разве что, бедняги Геныча, которому и без того достается, да еще Вани Корнева, про которого все говорят, что после школы он будет учиться дальше.

Кирпич посылает Боброва на улицу собрать портфели.

С минуту мы сидим молча, переживая Сашкину выходку. В глазах у девочек восхищение – кто бы еще такое придумал? Мальчишки посмеиваются – не ожидали, видать, такого, но если это сделал Бобров, то, значит, все правильно. Кто бы еще так ловко оттянул начало урока? Звонок-то прозвенел, время идет, а учитель стоит, забыв, с чего он собирался начинать...

И тут подает голос Катя. На равных, как взрослая, она спрашивает:

– Григорий Деевич, а как же Бобров принесет столько портфелей? Можно я пойду помогу?

И тут наступает тишина.

Катина смелость поражает всех нас сильнее, чем выходка Боброва.

Кирпич в растерянности произвольно делает шаг вперед и останавливается перед маленькой женщиной.

– Пойдемте, посмотрим на них! – предлагает Ирка.

Она проучилась в нашей школе какой-то месяц. Но единственная из нас она знает, где именно в окне теплицы отодвигается одно стекло...

Мы друг за другом протискиваемся вовнутрь. Свет зажигать боязно. Сонных рыб почти не разглядишь в зеленой жиже. Какая вонь!

Ирка предлагает сменить воду.

Под стеллажами отыскивается шланг, телескопов мы ловим в три пары рук и пересаживаем в какое-то ведро. Потом впускаем их в прозрачный, вычищенный дом, и они кружатся там с высоко поднятыми спинными плавниками. Ирка говорит, что это у рыб – признак отличного настроения.

В куче компоста позади теплицы мы выкапываем дождевых червей. Ирка достает перочинный ножик и рубит их на мелкие кусочки.

Отныне к нашим прогулкам, цели которых обозначались коротко: «К свиньям» или «К психам», – добавляется третья: «К рыбам». К рыбам ходить гораздо ближе, чем в свинарник или в сумасшедший дом, но куда рискованней. Нас может заметить школьный сторож. Подкараулит – а потом не так уж трудно будет выяснить фамилию и класс.

Каждый вечер, приходя в теплицу, мы замечаем, что с утра здесь кто-то был. Какие-то семена снова разложены для просушки. Что-то передвинуто, какая-то рассада выкопана и посажена снаружи, а кое-где в ящиках поднялась новая. Где-то семена еще не взошли, но нет никаких сомнений, что они набухают там, в земле, и ростки вот-вот вырвутся наружу. Каждый раз все, что надо, обильно, щедро полито. В каждой мелочи проглядывает неустанный, вечный контроль со стороны ботанички Светланы Павловны. Какой-то класс проходит летнюю практику. Скоро и наша очередь. Даже в каникулы нас не оставляют в покое.

Однажды мы влезаем в теплицу, как всегда, и бежим прямо к рыбам. Но как же... Пустой аквариум лежит на боку.

– Где рыбы?! – кричу я.

– Здесь рыбы, – отвечает Ирка.

Маленькие грядки щедро политы. Все как всегда. И на одной в черной земле я вижу черных телескопов. Еще не высохших, только чуть-чуть подсохших на воздухе. Все как один – с широко раскрытыми ртами. Как будто они пытались звать на помощь.

– Это все равно, как если нас бросить в огонь, – говорит Ирка. – Кому-то захотелось, чтобы им было больно... Но только почему?

– А между прочим, с утра в микрорайоне нет воды, – припоминает Бобров. – Мамка с утра стирать хотела – и говорит: ан нетуть...

– Они черпали воду в резервуаре, – сообщает Ирка. – А когда им стало далеко доставать, они взяли аквариум...

Дальше, наверно, я перестала соображать. Была минута, когда не было ничего. Не было меня, и не было друзей, стоявших рядом. Не было моих родных, ждавших меня дома с ужином. Были мои рыбки, телескопы, умершие в жирной, все время удобряемой земле. Я

помню, что сидела под стеллажом, вцепившись в железную подпорку. Две пары ног с грязными коленками переступали рядом. Ирка с Бобровым не знали, что делать. Их коленки были на уровне моего лица. Не думая, что это стыдно, я громко плакала, кричала, грозила кому-то и снова плакала, понимая, что ничего не смогу сделать...

А когда у меня уже не оставалось сил, чтоб плакать, Ирка вдруг сказала:

– Давайте им за это раскидаем семена!

– Ура! – тут же закричал наш верный Бобров и первая пригоршня семян взлетела к потолку.

– Салют!

Ирка берет целую газету, заваленную семенами, и кружится с ней, оставляя в воздухе красивый след.

Как просто! Сколько дней, сколько уроков нас приводили сюда. Мы чинно проходили друг за другом по дорожкам между стеллажей. Останавливались там, где было место. И каждый из нас должен был что-то делать с неизвестными ростками или семенами... Вот с этими! И еще! С этими тоже! С такими же, как вот эти! Сейчас они разлетятся по бетонному полу, и по земле, по маленьким грядкам – вдруг что и прорастет! Без всякой системы. Так им! Они убили наших рыбок. Из-за этих ненавистных семян.

– Мы сеятели! – кричит Ирка.

– Ура! Мы сеятели! – вторит ей мы с Бобровым.

В моих руках оказывается голубой пакетик с нерусской надписью. Он лежал здесь же, на краю газеты. Чье-то задание на завтра. Внутри там тоже семена. Что может быть еще? По голубому полю нарисованы какие-то цветы. Из-за цветов они убили рыбок. Как ненавижу я цветы!

Пытаюсь разорвать пакет. Бумага не поддается. Да это не бумага, а фольга – и я со злостью швыряю пакет в резервуар. Пускай утонет. Там далеко есть вода. Там сколько угодно воды. Они могли бы привязать к ведру веревку и черпать воду дальше. Но они взяли аквариум!

В Иркиных руках оказывается целый ворох цветных пакетиков. Где она их взяла? Всем им теперь место на дне резервуара. И они тонут в черной жиже.

– Замочим семена! Пусть прорастают! – кричит Бобров.

На углу у школы, прежде чем разбежаться по домам, мы даем друг другу страшную клятву. Мы обещаем никогда больше не работать в школьной теплице. Клятву предлагает, конечно, Ирка. Я спрашиваю:

– А как же не работать? Они поставят неуд за поведение.

– И что? – говорит Сашка. – Испугалась?

– Родители, – говорю я.

Ирка, не понимая, смотрит:

– Ты что, за них? Которые разлили наш аквариум? Ты не клянешься с нами?

– Ну почему, клянусь...

Проходит еще один день. Наутро меня будит телефонный звонок. Родители торопятся на работу – мама говорит, что у нее в это время все расписано по минутам. И по секундам. Тени для век, например, она наносит ровно за восемнадцать секунд. И это – оба глаза!

– Кто там еще? – спрашивает она и все же берет трубку.

А могла бы ведь и не брать. Пускай бы себе звонили.

Я слышу ее голос:

– Из школы? Да. Да. Что вы говорите? Ах, нет, нет... Я знаю. Да. Поведение у нее. Да. Да. Нет, этого просто не может быть! Что? Вы так думаете? Ой! Нет, я не против...

И мама зовет меня.

Я холодею.

На проводе – учитель русского Григорий Деевич. А попросту – Кирпич. Почему он, а не ботаничка – проносится в моей голове, и я не сразу могу понять, о чем он говорит.

Оказывается, он хочет, чтобы я поехала в лагерь «Березка». На два дня. Там будет летняя олимпиада по русскому языку. После олимпиады нас поведут в поход. Или купаться.

– Возьми с собой купальник, – говорит учитель. – Может быть, там будут еще и спортивные соревнования. Мне жаль, что я сам только что узнал об этой олимпиаде. Я был в отгулах...

Мама тут же садится писать заявление об отгуле своему начальнику. Ей надо собирать меня в лагерь. Папа придет на завод и отдаст мамину начальнику ее заявление.

Кирпич сказал – мне тоже дадут отгулы. Участников олимпиады освободят от летней практики. Ведь мы же защищаем честь нашей школы – так он сказал.

Папа торопит маму, чтобы скорей писала. А то он опоздает на работу. Опаздывать на завод – это не то, что в школу. Тебе заплатят меньше денег. А денег и так вечно не хватает. Но маме не терпится пересказать ему, что ей сказал Кирпич.

– Я спрашиваю у него: мол, почему наша-то – на олимпиаду. Оценки не ахти... А он мне говорит, мол, сам только что узнал. В каникулы трудно найти кого-то в городе, а надо собрать детей. Но это даже не главное, он мне сказал. Ты знаешь, что он мне сказал еще? Вот ваша дочка, говорит, она удивительный ребенок. Так и сказал. Мы с вами, говорит, ее еще не знаем. Мы не раскрыли еще все ее способности... Конечно, на уроках поведение – сам знаешь. Учитель говорит, она – прямо Бобров какой-то в юбке...

– Есть у них, видать, такой хулиган – Бобров, – вставляет отец.

– Ну вот, – перебивает его мама, – учитель говорит: мол, дочка у вас – это, конечно, Бобров в юбке, но зато у нее – врожденная грамотность. Представляешь? Правила ни одного не знает, на уроках не слушает, а диктант у нее возьмешь на проверку, или еще сочинение – так хоть шестерку ставь. Если бы не почерк, конечно. И на уроках иной раз так отвечает – заслушаешься...

«Это я?» – думаю я, слушая ее.

– Ты представляешь, что он мне сказал! – по новой начинает мама рассказывать отцу и тут же кидается теревить меня:

– Просто не знаю, доча, гордиться мне тобой или стыдиться за тебя!

Тут папа вспоминает, что надо занять денег у соседей, пока они тоже не убежали на завод. Такой порядок. Хочешь показать, какой у тебя ребенок умный – сначала заплати денежки. Без них не обойдется ни одна олимпиада. Это называется «родительский целевой взнос».

Мама собирает мои вещи. Я с тоской думаю, что Ирка с Бобровым будут ждать меня, а, не дождавшись, сами пойдут «к свиньям» или «к психам»...

Одна надежда – что учитель не найдет в городе других ребят и ему придется признать, что Ирка и Бобров тоже удивительные дети... И если они с ним согласятся...

Но ничего подобного...

Из нашего класса попали только я и Генка Минаев.

Генка – хороший ученик. Что ему остается еще? Только зубрить уроки. Минаевым плохо быть. И мной, получается, быть плохо. Ладно, не видят Ирка с Бобровым. Они стали бы надо мной смеяться.

Кирпич ведет нас на автовокзал.

Я иду по улице с двумя высоченными мужчинами. Кто поверит, что один из них – мой одноклассник?

Позади нас идут девчонки из «Б»-класса. Сразу четыре. В их классе у Кирпича улов побольше.

Я чувствую лопатками недобрые взгляды. С «бэшками» мы не дружим. Мы их не любим, они нас, а меня их староста, Наташа Ярцева, не любит больше всех. Только увидит – сразу же сузит глаза и скривит губки. Как сейчас.

– А, дурочка! И ты здесь? – нисколько не стесняясь Кирпича.

Когда-то, в прошлом году, я сделала одну глупость.

То есть я спросила у Наташки одну вещь.

В сентябре у нас был общий кросс. Вместе с «бэшками».

После каникул я заметила, что многие девчонки изменились. Впереди у них теперь как будто что-то было. Или кто-то был. Когда Наташка бежала или прыгала, там, под футболкой у нее, как будто тоже прыгал, бился, мечтая вырваться наружу, какой-нибудь зверек.

Я знала, что это – новая часть тела, которая вырастает со временем у всех у всех, кому досталось родиться девочкой.

Дома, когда никого нет, сняв платье, я подолгу рассматривала свою плоскую грудь, маленькие светлые соски – такие же, как всегда. Неужто у меня – вот здесь и здесь –

вырастут новые части моего тела? Продолжение меня... Как мне будет с ними? Могут ли они болеть? Не больно ли, когда они, как у Наташки, бьются, скачут, когда бежишь?

И главное, что меня занимало – можно ли ими шевелить? Ведь если это – продолжение меня, то, наверно, можно. Разве у меня есть какая-нибудь часть тела, которой я не могла бы шевелить?

Но взрослые женщины всегда прячут под одеждой эти части тела. Если их кто-нибудь увидит – будет стыдно. И это не казалось мне странным до тех пор, пока такие же части тела не стали появляться у моих сверстниц. Зато теперь я наблюдала за своими повзрослевшими соученицами, и меня просто распирало от любопытства.

Наконец – в тот день, во время кросса – я подошла к Наташе Ярцевой. У нее это было больше, чем у всех.

– Наташа, – сказала я. – Обещай мне ответить на один вопрос. Это очень важно.

– Ну, обещаю, – покровительственно отозвалась Наташа.

Ободренная, я ткнула пальцем в ее грудь.

– Ты можешь этим шевелить?

У Наташи стало такое лицо, точно ее внезапно ужалила пчела.

– Ты дура, что ли? – спросила она меня.

– Я только хотела узнать...

Наташка не слушала.

– Ты дура! Дура!

У нее началась настоящая истерика. Она кричала, что девчонки из моего класса ей говорили, что я, точно, дура, что у меня грязные коленки, а зимой рейтузы собираются в гармошку, и туфли у меня как для детского сада, и что мне просто завидно, что у нее много дорогих вещей. Таких, как носят взрослые.

Не понимая, я выслушала ее, а после примирительно сказала:

– Ты что, обиделась? Это не потому, что ты – «бэшка». Я только хотела узнать, можешь ты этим шевелить или нет?

Наташа вдруг заплакала и побежала от меня куда-то за угол школы. Я так и не поняла, чего это она.

С тех пор прошел целый год. Ирка давно успела мне объяснить, что шевелить этим ни у кого не получается. Она сама спрашивала у девушки, которая была подругой ее отца в прошлом году. И та сказала: «Даже не мечтай».

Нельзя так нельзя!

Но до сих пор еще, только увидев меня где-нибудь, Наташка всегда кричала мне издали:

– Ты дура! Дура!

И вот теперь мне предстояло провести в ее компании целых два дня.

Конечно, в лагере я сразу постаралась прибиться к каким-то незнакомым девочкам. Но они только и знали обсуждать, как готовились к этой олимпиаде. А я ведь не готовилась к ней ни минуты. Меня охватил страх, и не зря, как выяснилось. Когда пришло, наконец, время олимпиады, я опозорила всю школу. Так сказала Наташа Ярцева. И все другие «бэшки».

Надо было составить предложение со словом «тюль».

Я услышала, как одна девочка быстро прошептала другой:

– Тюль – слово мужского рода. В этом вся фишка...

Поэтому я написала: «Рыбаки выловили большого тюля».

Потом еще подумала и переправила на «Рыбаки выловили тюля средних размеров».

В самом деле, тюлька – это совсем маленькая рыбка. А тюлень – он ростом с человека или еще больше. А тюль, наверно, – это что-то среднее между ними...

– А что у вас на окнах висит, не тюль? – спросила Наташа Ярцева, когда мы обсуждали, кто что написал.

Я ответила:

– У нас там кисея...

– Сама ты кисея! – говорит мне одна из «бэшек». Даже не знаю, как ее зовут. Все «бэшки» одинаковые.

И все они смеются.

Правда, я одна сделала последнее задание. Но оно было необязательное. Только для тех, кто сделал все остальное. И у кого еще осталось время. А я начала сразу с него.

Там надо было сочинить новую сказку. Так, чтобы не было ни бабы Яги с Кощеем, ни гоблинов. В общем, чтобы совсем новые герои. И я придумала про рыб, которые живут в круглом аквариуме. У них все как у нас. В школе для мальков проходят, что земля круглая. А дальше проходят про инопланетян. Все эти рыбки – телескопы. В свои телескопические глазки они наблюдают за инопланетянами – за нами. Аквариум стоит, как будто, в нашем классе, а у нас есть, за чем понаблюдать. Или за кем...

Когда мы бесимся на переменах, рыбки жутко хотят к нам. Ан нельзя! Еще не придумали таких скафандров... И вот однажды нашелся такой ученый телескоп...

И я задумалась, из чего он мог сделать скафандры. Из водорослей? Нет, не то...

Но тут дежурная учительница, увидев, что я не пишу, подошла, и, глянув в мой листочек, ахнула. Она принесла мне другой листочек и велела сейчас же отвечать на основные вопросы.

Я успела ответить не на все, и с тюлем у меня вышло неправильно.

На следующий день мы ходили на реку – нас только завели в воду и сразу вывели оттуда, а вечером Кирпич приехал нас забирать.

Всех «бэшек» у автовокзала встречала мама одной из них, и Кирпичу надо было отвести по домам только меня и Гену Минаева.

По дороге меня так и подмывало спросить, помнит ли Кирпич свое обещание освободить меня от практики. Ведь тогда я могла бы выполнить клятву, данную ребятам, и мне бы ничего зато не было. Но я боялась спрашивать при Генке. От него всего можно ожидать. Вдруг он скажет, что для него счастье – поработать в теплице под присмотром ботанички, и он заболает, если его такого удовольствия лишат. Что ему еще остается делать в каникулы! Только ходи, работай... Вот пусть и работает! Поэтому я ждала, когда мы останемся вдвоем.

Гена жил ближе к автовокзалу, чем я. Мы с Кирпичом поднялись в квартиру и сдали Гену с рук на руки его родителям. Они оказались маленького роста – гораздо меньше Кирпича и меньше моих родителей. И они уже старые.

Потом мы идем отводить меня. И тут я спрашиваю у Кирпича о практике.

– Не любишь работать в теплице? – спрашивает он в ответ.

– Люблю, – вру я ему. – Но вы же обещали...

– Если любишь, то считай, что тебе не повезло, – говорит Кирпич, и до меня не сразу доходит, что он имеет в виду.

Если любишь работать – тогда не повезло. А если я не люблю – то, значит, все наоборот?

Я боюсь поверить, что все обошлось, и тут он продолжает:

– В ближайшие дни никто из учеников не будет проходить практику. Ее придется отложить. Школьное руководство еще не решило, кто будет заниматься с вами вместо Светланы Павловны. В больнице она, судя по всему, пробудет еще долго.

– Она заболела! – ахаю я.

У меня не получается изобразить обеспокоенность. И в голосе – одна лишь радость.

– У нее инсульт. Ты знаешь, что такое инсульт? – говорит Кирпич. – Впрочем, откуда тебе знать... Ей стало плохо. И она может умереть. От этого умирают. Или на всю жизнь остаются инвалидами. И знаешь, почему ей стало плохо?

– Почему? – машинально спрашиваю я.

– Вандалы разорили школьную теплицу. Мало того, что разбросали семена, повыдергали саженцы – не пожалели и рыб в аквариуме.

– Рыб? – снова спрашиваю я.

– Все содержимое аквариума просто выплеснули вон. Конечно, рыбки сразу же погибли. На воздухе они страдают так же, как мы страдали бы от огня...

Он говорит так же, как Ирка.

Что же получается? Выходит, они обвинили нас в убийстве рыбок? Нас? Стоп! Откуда они знают, что в теплице были мы?

– А может, это вообще сделали не из нашей школы? – спрашиваю я.

Он отвечает, что хулиганов, к сожалению, никто не видел. Одно понятно – это были дети. Они пролезли через щель в окне. Взрослому там не протиснуться.

Так! Вот теперь мне должно стать легче. Кто видел этих детей?

Я чувствую, как именно мне должно стать легче. Точно что-то давило на грудь и на живот. Теперь отпустит... Но так – не становится.

– А почему они так сделали? – спрашиваю я, чтобы поддержать беседу.

– Помнишь, я рассказывал вам про вандалов? Бессмысленное разрушение... В Древнем Риме дикие племена уничтожали произведения искусства...

– Значит, здесь получается игра слов? – нарочно вдумчиво спрашиваю я, чувствуя, как у меня холодеют ноги снизу доверху и что-то начинает дрожать в груди. – Сначала вандалы разорили Древний Рим, а потом нашу школьную теплицу...

– Какая там игра! – отвечает мне Кирпич. – Исчезли дорогие семена. Светлана Павловна не так жалеет рыб, как семена.

Еще бы, думаю я. На рыбок-то ей было и вовсе наплевать. А разве есть во всем мире что-нибудь дороже ее цветочков?

– Некоторые из них не найдешь больше нигде в нашем городе, а может, и в стране, – со вздохом продолжает Кирпич. – Что-то, насколько мне известно, Светлана Павловна выписывала даже из Англии.

– Из Англии? Зачем?

– Хотела, чтобы вокруг нашей школы росли необыкновенные, редкие цветы, которых больше ни у кого нет. Разве что в каких-нибудь усадьбах у английских лордов. Она так и говорила нам, учителям: «Я сделаю из того школьного двора цветущий сад». Мы ей в ответ: «Подумайте, ведь вытопчут же все, сломают ваши цветы, с собою унесут! Район-то у нас какой, мол, хулиганский...» А она спрашивает нас: «Как так? Вот вы бы, мои коллеги, стали бы по клумбам бегать, топтать цветы?» Мы ей в ответ: «О чем вы говорите? Зачем же сравнивать?» А она нам: «Мол, а зачем думать о других, что они хуже нас с вами...» Вот так-то. Верила она в людей. В вас верила, своих учеников...

Мне странно, что он говорит так про крикливую Светлану Павловну. Вечно растрепанную – из учителей она одевалась хуже всех. Никто ее в классе не любил. Мальчишки только и думали, почему бы ей как-нибудь не заболеть. Другие же болеют. А она знай себе твердит, как полезно работать на свежем воздухе.

Оказывается, она верила в нас? Что мы хорошие? Мне кажется, о нас она вообще не думала. Лишь бы мы выполняли ее распоряжения. Тогда можно было не думать ни о ком из нас. Растения – вот что для нее было важнее всего. Она старалась как можно чаще проводить уроки в теплице. Или на пришкольном участке. Мы приходили сюда к ней – дети без лиц. Только с руками. Не очень-то умелыми, зато как много рук. Но даже если урок шел в классе, она приходила в синем рабочем халате. Как техничка.

– Наверное, у вас будет другой учитель биологии, – говорит Кирпич.

Я думаю, как отвязаться от него.

Семена и сейчас там, на дне резервуара. Их можно вытащить. Что им сделалось в их толстой упаковке? Ну, может быть, набухли... Значит, скорее прорастут. Если их вытащить и положить в землю...

– А... вы доведете меня до дома? – спрашиваю я.

– Конечно, – отвечает Кирпич. – С рук на руки сдам твоим маме с папой. Как Гену Минаева. Ты не волнуйся...

– Я не волнуюсь. Наоборот. Здесь близко, и я могла бы сама дойти.

– Ни в коем случае! – возражает Кирпич. – Совершенно исключено! Обещал с рук на руки – значит, так и передам.

Окна – оранжевые квадраты – согревают улицу. Глазам тепло. А утром, когда выходишь затемно, глазам всегда бывает холодно. Даже летом. Вечер – другое дело. Оранжевые вытянутые полоски под ногами. Свет отражается в траве. Растения отражают свет. Над ними, перелетая из черного в оранжевое, кружатся июньские жуки. Кажется, их правильнее называть – майские жуки. Но в мае их еще нет. Зато в июне – лови не хочу. Ирка с Бобровым, наверно, и теперь сбивают где-то поблизости июньских жуков. Напихивают их в спичечные коробки – у кого больше. Потом резко раскрываешь коробок – и жуки сразу взмывают вверх. Они похожи на первые аэропланы-этажерки...

Где-то во тьме гремит музыка.

Мы с Кирпичом огибаем угол дома и оказываемся на проспекте у входа в ночной клуб. Нас с Кирпичом слепит кирпично-сине-желтый свет. Парни и девушки большими группами стоят у входа. Редко кто окликнет кого-нибудь. Большинство тихо переговариваются или молчат, пританцовывая на месте. Напряжение в воздухе стоит густо – попробуй, протиснись в нем!

– Эй, шкаф, ты что же с малолеткою связался? – окликает Кирпича какая-то необыкновенно красивая женщина. Наверно, я никогда такой не буду. – Оставь свою соплюшку, пойдем со мной!

И тут же другой голос:

– Гришка! Ты-то здесь как?

И тут я вижу, как Кирпич, школьный учитель Григорий Деевич, теряется еще сильнее, чем тогда, перед маленькой женщиной из нашего класса Катей Павловой, вызвавшей помочь Боброву принести портфели.

– Ма-ри-на, – выдавливая он из себя. – Что ты здесь делаешь?

– Я? Развлекаюсь, – отвечает женщина.

– Ма-ри-на... Как же ты... – он что-то силится понять.

– Что – я?! – Марина моментально взрывается.

Секунда – и она уже рыдает.

Не зря мне показалось, что запал здесь где-то рядом. И никто не знает, какое слово или движение способно его поджечь.

– Тебя мне, что ли, ждать, пока ты нянчишь своих малолеток? Какая дура пойдет за тебя, да кто на тебя серьезно посмотрит? Ведь ни рожки у тебя, ни денег, ни мозгов, чтобы поехать, заработать... Детки, цветочки... Знаешь, как тебя твои детки называют? Любимые твои малолеточки? Я сама слышала, когда ждала тебя с урока... Знаешь, ты кто для них? Кирпич! Кирпич, и все!

– Ма-ри-на, – снова говорит он ей и кладет руку ей на плечо. – При чем здесь это? Дети часто называют учителей... Так, как им вздумается... Пойдем со мной...

Марина брезгливо скидывает его руку.

– Кирпич! Кирпич!

– Марина! – когда еще он был так растерян. В отчаянии он смотрит на меня. – Вот, эта девочка... В лагере «Березка» была олимпиада... Я должен отдать с рук на руки... А после я провожу тебя... Или нет, знаешь, давай сначала заведем тебя... Да, верно, мы тебя проводим! Тебе нельзя...

– Нельзя?! – взвизгивает Марина. – С чего ты взял? Мне можно, можно! Уже все можно! Понимаешь, Гришка, ты, Кирпич!

– Марина... Ты это сделала? Как же ребенок?

Она отчаянно, невесело смеется:

– Ребенок? Дудки! Чтобы ребенок от тебя? Еще один Кирпич! Мне что же, халабуду строить из кирпичей?

Женщина заводит себя все сильнее, как директриса на общешкольной линейке по дисциплине.

– Да на что ты его будешь содержать?! Только и знаешь возишься с малолетними олигофренками! Даже в каникулы! Подруги надо мной смеются...

Кирпич, наконец, бросает мою руку и устремляется за женщиной в гущу толпы.

– Марина, ты не можешь...

Вокруг меня – колышущаяся масса людей. Там и здесь слышатся слова, пачкающие, как говорил Кирпич, наш язык. Кто-то визжит, заглушая музыку. Кто-то колотит в двери ночного клуба. Еще не пускают. Время еще не пришло. Парни с размаха бьют об дверь каким-то ящиком. Ящик ломается у них в руках. У всех теперь по доске. Стук становится сплошным, непрерывным. Взрывается милицейская сирена...

Кирпича нигде нет. Я тихо выбираюсь из толпы. Отхожу в тень деревьев. Они укрывают меня. Здесь меньше чувствуешь опасность. Пройти еще немного – и там уже на улицах не будет ни души. Там дальше – мой дом. А если вон туда пойти – там школа. Можно сбегать по-быстрому на школьный двор. Залезть в теплицу и выловить из резервуара семени. Выложить все пакеты на газетку: вот они, тут. Кто-то из учителей придет завтра и сможет

забрать их, чтобы отнести в больницу Светлане Павловне. Мол, никуда ваши семена не делись, не из-за чего вам стало помирать.

Она поймет, что не из-за чего, и выйдет из больницы. Конечно, сразу же начнется практика. И надо будет подумать, как быть со страшной клятвой. Но это потом.

Я иду дальше в темноту среди деревьев и слышу вдруг, как меня сзади окликают по имени. Кто это? Кирпич, больше некому... Я припускаю бегом...

Наше окно в теплице заколочено двумя рейками крест-накрест. Лучшего знака не придумать. Иначе мне бы пришлось еще его искать! Я кое-как отдираю рейки, оставляя занозы в пальцах. И пролезаю вовнутрь.

Резервуар доверху залит водой. Кто-то побеспокоился набрать ее впрок. Если прыгнуть – там глубоко? Покуда мне?

В углу стоят наши грабли. Я беру одни, чтобы измерить глубину. Грабли уходят в воду с черенком. Тогда я опускаю в резервуар еще одни. И они тоже тонут в каменном стакане. По ним будет удобно спуститься вниз. Я буду держаться за них, когда присяду под водой и ощупью стану выбирать из жидкой грязи семена. А потом, цепляясь за рукоятки грабель, я вылезу наружу.

Надо снять сандалии. И платье. На мне купальник. В лагере я не успела переодеться. В кабинки была очередь. Девчонки из других школ занимали сразу на всех своих. Мама скажет «Как можно было купаться в такой грязи?» Может, я смогу потом постирать его под краном? Быстрей. Здесь холодно. Стены резервуара пузырчатые, шероховатые, в зеленом склизком налете. Без грабель мне бы не выбраться обратно... Мои ноги не касаются дна. Я закрываю нос и ухожу подводу, тяну руки вниз – и мои ноги оказываются наверху. Они скользят по заросшим водорослями стенкам, упираются в крест-накрест поставленные палки грабель.

Я хочу перевернуться и высунуть голову из воды, но моя шея оказывается зажатой между двумя крест-накрест поставленными палками. Это все. Как хорошо было бы, если бы здесь был кто-нибудь еще... Откуда – кто-нибудь?

Ужас захватывает меня, вливается в нос и в рот черной жижей и цепкой хваткой впивается в мою высоко задранную ногу. Не вырвешься.

Но кто-то, как будто, расталкивает грабли, поймавшие меня за шею, – кажется мне или нет... Вот так, наверно, умирают. Кажется, как будто летишь вверх... Все...

Нет, не все. Что-то еще происходит.

Потом я понимаю, что это какой-то человек положил меня грудью к себе на колени, бьет по спине, и меня много, обильно рвет. Черным, черным...

– Надо еще, еще! – говорит человек.

Это наш Кирпич. В теплице горит яркий свет. Прямо перед глазами блестят миллионы осколков стекла. Кое-где валяется битый кирпич. Им наш Кирпич выбивал стекло. Ему бы – такому – в наше окно не влезть.

Кирпич велит мне снять купальник и завернуться в его рубашку, а сам принимается ведром вычерпывать воду из резервуара.

Не проходит и десяти минут, как все стеллажи щедро, от души, политы. Даже те, в которых ничего не растет. С них со всех бежит рекою вода.

Кирпич опускается на дно и подает мне наверх пакетик за пакетиком. Рисунок на них подпорчен. Но самим пакетикам ничего не сделалось.

– Упаковка – на грани фантастики, – говорит Кирпич. – Вот что называется, ни в огне не тонет, ни в воде не горит... Тьфу ты... Наоборот...

Он пристально смотрит на меня.

– Впрочем, насчет огня я, кажется, сболтнул лишнее...

– А рыбы – это не мы, – говорю я, теряясь под его взглядом.

– Рыбы – это не вы, – машинально повторяет Кирпич.

И вдруг спохватывается:

– Как – рыбы – это не вы?

– Это не мы их убили.

– А кто? – спрашивает он.

– Не знаю, – говорю я, стуча зубами. – Это они. Кто приходил на практику. Мы увидели, что кто-то вылил наших рыб...

– И отомстили. Так? – спрашивает он, и только теперь я вдруг осознаю, что уже разоблачена.

– Ты была не одна, так? – спрашивает Кирпич.

Он берет меня за подбородок и заглядывает в мои глаза. И только я успеваю настроиться, что он может сейчас сделать все, что угодно, – мне не будет больно... Он может убить меня... Все равно я не выдам ему Ирку с Бобровым.

– Только не говори мне, с кем ты была, идет? – вдруг говорит Кирпич. – Давай на этом остановимся... Не надо, чтобы я знал.

Была ли я кому-нибудь так благодарна? За подарки ко дню рождения, за позволение гулять допоздна...

Я обнимаю Кирпича и целую его в обе щеки. Без очков он вовсе не похож на себя. На щеках у него колючки. На колючках налипли нитки водорослей. И водоросли остаются на моих губах.

Кирпич – самый лучший человек на свете. Как я этого раньше не знала?

Он смотрит на меня, не понимая, что теперь делать. Тут рядом раздается свист.

В разбитое окно просовывается сморщенное, заспанное лицо.

– Гришка! Так это ты тут куролесишь с малолетками? Надо же, купаться надумали...

– Тсс, – говорит неизвестному лицу Кирпич. – Сейчас все уладим. Генсаныч, с меня бутылка.

– Ящик! – поправляет его неизвестный мне Генсаныч.

– Ящик так ящик, – соглашается Кирпич, и на его лице появляется такое блаженное выражение, как будто я действительно заняла какое-нибудь место в загородной олимпиаде. Или на худой конец кто-то из «бэшек». – Сейчас подметаем стекла и дуем ко мне домой...

– У тебя ведь баба таво... Беременная, – отвечает незнакомый мне Генсаныч, и до меня, наконец, доходит, что это и есть тот самый школьный сторож, которого нам с Ирккой и Бобровым надлежало остерегаться.

– Я говорю тебе, идем ко мне домой! – требует Кирпич. – Как раз по пути заглянем в круглосуточный...

– Только я, можно, пойду к себе? – говорю я им. – Родители волнуются...

– Куда ты пойдешь? – говорит Кирпич. – Видела бы ты себя сейчас.

– У тебя есть мобильник? – спрашивает он у сторожа.

Сторож покровительственно протягивает учителю телефон.

Учитель начинает втолковывать моей маме, что слет в «Березке» продлили до завтра, до обеда, и дети с удовольствием проведут вечер у костра, где каждый сможет показать себя настоящим артистом и вообще кем захочет.

– Мама! – кричу я в трубку. – Мы здесь, на берегу! Не холодно! Нет, и не страшно! Нас, это, 45 человек. С нами вожатые и Григорий Деевич.

– Я, я вожатый! – радуется сторож Генсаныч.

Кирпич предостерегающе машет руками.

Втроем мы покидаем теплицу через окно и покупаем ящик водки (я дожидаюсь взрослых у входа в магазин). Потом мы идем к Кирпичу. Включается яркий свет. Я вижу, что у него все разбросано. Надо переступить через какое-то белье, одежду и тетради. Кирпич укладывает меня на единственную кровать, наваливает сверху одеяла и гасит свет.

Из кухни доносятся голоса, и голос Кирпича то и дело повторяет слова, которые только засоряют наш язык. Слыхал бы кто в классе.

Наутро Кирпич отправляет меня мыться в ванне, а потом мы ждем, когда подсохнут мои волосы. Посреди комнаты, прямо на полу спит сторож Генсаныч. Из-под его спины торчит какая-то одежда. Спohватившись, я стираю в ванной свой купальник. Теперь можно и домой. Кирпич говорит, что он теперь как миленький доведет меня до дверей квартиры и сдаст с рук на руки моим родителям.

Я отвечаю, что тогда нам надо поторопиться: они вот-вот уходят на завод.

– Я тоже собираюсь на завод, – говорит Кирпич.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Освою рабочую специальность. Войду в сплоченный коллектив. Милое дело. Заработок – не чета нашему учительскому. На эти-то гроши как можно содержать семью?

Я вспоминаю девушку у ночного клуба. «Сколько мне ждать еще, пока ты будешь нянчить малолеток-олигофренок?»

И сразу становится не по себе. Я думаю: сейчас меня увидит Ирка или Бобров. Вот стыдно-то... Почему мне это до сих пор в голову не приходило? Нет, сначала это опасение все время сидело у меня в голове. Когда оно исчезло? Возле ночного клуба его уже не было. Тогда, когда Кирпич вытащил меня за ногу из каменного стакана, и тогда, когда мы покупали водку... Когда мы покупали ее, я чувствовала себя так свободно, точно каждую ночь забегаю за ней, прозраченькой, вот в этот магазин. И именно в этой компании – с учителем по прозвищу Кирпич и школьным сторожем Генсанычем.

– Генсаныч отнесет Светлане Павловне пакеты с семенами, – говорит Кирпич. – Как будто они завалились куда-нибудь. И она зря впала в истерику...

– Она впадает в нее каждый урок, – нахожу нужным вставить я.

Кирпич перебивает:

– То, что сейчас мы говорим, не делает нам чести.

Будто я не слышала, что он говорил Генсанычу ночью в кухне.

– Генсаныч никому тебя не выдаст, – обещает мне Кирпич. – Он, кстати, тебя толком и не рассмотрел. А если он все же вздумает делать какие-то намеки – не понимай ни одного из них. Ты просто не знаешь, что Генсаныч имеет в виду. Свидетелей-то у него нет... Кроме меня. А я скажу, что впервые слышу... Да что я скажу? Меня здесь и не будет. Я ведь собираюсь на завод...

– Охота вам? – как равному говорю я. – Вы же учились!

Нас как-то водили на экскурсию. И меня поразило огромное гулкое помещение, люди в одинаковой одежде, неотрывно, в напряжении стоящие возле станков. Хотелось поскорее выбраться на улицу, на воздух. Куда-то в тишину... Бобров увидел в цехе свою маму, но она не могла выключить станок и поговорить с ним. Мои родители работают в другом цехе, и я их не видела. Но дома мама все время говорит мне: «Не будешь хорошо учиться, пойдешь на завод».

Я кое-как пытаюсь объяснить ему, что в школе гораздо лучше. У нас перемена после каждого урока. И у нас каждый день что-то случается. Нас много, и всегда найдется, над чем посмеяться. Один Бобров чего стоит. И Ирка тоже – всегда что-то придумает.

– Видишь ли, – отвечает мне Кирпич. – Так можно рассуждать, когда тебе одиннадцать, двенадцать лет. В народе знаешь, как говорят? Мол, в тридцать лет семьи нет-значит, и не будет. И денег в сорок лет нет – уже не будет. И правильно ведь говорят...

– А сколько вам лет, Григорий Деевич, – спрашиваю я.

Он отвечает:

– Двадцать девять.

С утра жара. Ну и день сегодня выдался!

Мы звоним в нашу дверь, и мама тут же рассыпается в благодарностях. Летом так трудно достать путевку в загородный лагерь. А Кирпич помог мне съездить за город, хотя бы на два дня.

Чтобы родители все-таки не заподозрили чего-то и не стали запоздало волноваться, я тут же, перебивая маму, начинаю рассказывать, как хорошо было в «Березке».

Когда за Кирпичом захлопывается дверь, папа замечает, что учителя на природе тоже зря время не теряли.

Самой моей большой бедой в то лето стало исчезновение Ирки. Она уехала куда-то вместе с отцом, пока я была в «Березке». Бобров клялся, что ничего не слышал. В квартире, которую снимали Ирка с отцом, нас встретили какие-то другие люди. Ни разу еще мы с Бобровым не ждали с нетерпением конца каникул – ведь мы же полагали, что она вернется к нам в сентябре.

Ирка не вернулась.

Мы с Бобровым упросили родителей купить нам по аквариуму и на переменах наперебой рассказывали, как у нас там кто-то плавает, дерется, гоняет пену по поверхности воды и строит из этой пены гнезда, а потом высиживает в гнезде икру, точно наседка яйца. А кто-то, наоборот, рождает живых детей и тут же поедает их – самку-то надо сразу отсадить, как отнерестится!

Полкласса вслед за нами завели аквариумы. И девчонки теперь писали Боброву на уроках что-то вроде того, что у них есть лишняя пара кардиналов, а заодно и огненные барбусы, и можно их на что-то обменять. Если интересно – встретимся за школой, поговорим!

Не знаю, как разрослось со временем Бобровское хозяйство, а моих аквариумов было уже семь штук – и это не считая переносных, садковых.

По выходным, в самую рань, мама провожала нас с отцом на колхозный рынок, где мы до обеда продавали новичкам рыбную молодь и чахлую, но зато не зараженную ничем, в аквариуме выращенную водную траву, а заодно раздавали всем бесплатные советы.

До советов люди были охочи – некоторые куда больше, чем до покупки. Доходило до того, что не успевала я вернуться из школы, как раздавался телефонный звонок и растерянный мужской голос спрашивал, что делать: данюшки у него, как будто, отыпались. И, случалось, что когда родители, придя с завода, открывали дверь своим ключом, я все еще убеждала счастливого владельца данюшек не волноваться и предоставить все самой природе. А что от него требуется – это вентиляция, ну и кормежка соответствующая – только и всего!

Ладно еще, родителям удалось втолковать мне мысль о недопустимости никаких личных консультаций на дому. Они сами не подозревали, как это было предусмотрительно с их стороны. Среди голосов в трубке несколько раз я узнавала голос Генсаньича. Сторож путался в названиях аквариумных рыб, не знал, что спрашивать, но голос его был таким липким, что сразу разговор было не оборвать. Из трубки точно тянулись щупальца – вроде тех, которыми он, уличив момент, хватал меня за локоток где-нибудь в школьном коридоре:

– Ты, я гляжу, девочка не промах...

И я никогда не знала, как сделать, чтобы его не было – рядом или в телефоне. В школе я сбрасывала сплеча его руку так же, как руку исторички, вздумавшей отвести меня к директору. И, в отличие от исторички, он тут же начинал озираясь по сторонам, и, если слышались чьи-нибудь шаги, спешил ретироваться. В этом была вся разница. Отношения полов сводились для меня к производству потомства теми же данюшками или гуппи. Однажды мне удалось получить мальков даже от золотых рыбок. Правда, среди них не было телескопов.

Занимаясь своими рыбами, я прозевала тот момент, когда Бобров покинул меня. Он не вернулся к маленькой женщине Кате Павловой, когда-то сразившей всех нас наповал простым «А можно, я пойду помогу?». Нет, теперь он выбрал Таню Семенову. В седьмом она была самой высокой в классе – не считая, конечно, Гены Минаева, а грудь у нее теперь была даже больше, чем у Наташи Ярцевой из «б»-класса.

Но Таня была особенной девочкой даже не в силу своего роста. Главное – она была первая, кто придумал пикироваться с бессловесным Генкой Минаевым.

На переменах, стоя у истертой нашей, обтрепанной географической карты, Гена и Таня тыкали пальцами в какие-то им одним известные места.

– Ты – вот ты кто! Джомолунгма! – подначивала она его.

Он тоже тыкал куда-то пальцем и радостно отвечал:

– А ты – вот кто ты тогда! Пик Коммунизма!

То, что они оба знали начатки географии, ставило их среди нас на какую-то особую ступень и, конечно, заставляло Боброва ревновать – да еще к кому – к Минаеву!

По праздникам мы собирались у Юрки Иванова. Его родители полагали, что лучше, если сын приведет толпу одноклассников домой, и тогда следы любого происшедшего в доме безобразия можно будет застать во всей красе, вернувшись рано поутру. Но перед тем, как убраться из Юркиной квартиры, мы тщательно вытирали горы посуды, подметали мокрыми вениками полы. Ничто не укрывалось от хозяйского глаза наших девочек.

Только в одну комнату хода не было никому. В ней, как мне казалось, всегда царил полумрак. Туда, в свет ночника, ночными бабочками протискивались друг за дружкой Сашка Бобров и Таня Семенова, а несколько наших мальчиков на пороге верными евнухами караулили их уединение. Но при этом они не собирались хранить происходящее в тайне. Наоборот, они ни разу не преминули собрать толпу девчонок у заветной двери – им нужны были слушательницы.

Блестя глазками, щурясь, мальчишки рассказывали нам:

– Ой, знаете, что они там делают!

Маленькая женщина Катя Павлова, – она ходила на все наши вечеринки – пряталась в это время в кухне. И тогда туда тоже нельзя было входить. Девчонки шептали мне на ушко, как им ее жалко – я не могла понять, почему.

Я жалела только о том, что со мной нет Ирки. В классе мало вспоминали о ней. Девчонки называли ее Бобровым в юбке. И в моей душе тогда разливалось тепло – ведь и меня когда-то так называл Кирпич. А значит, это подчеркивало наше с ней родство. А из мальчишек никто, даже Бобров, не могли ничего толком сказать о ней. И моя первая любовь так и осталась глубоко скрытой во мне, никому не высказанной. Ирка была моей первой любовью, а вовсе не Бобров.

Однажды в общем зале кончился лимонад. Я хотела пить, и мне пришло в голову, что, может быть, что-то осталось в кухне. Там было заперто. Из кухни сильно воняло. Как будто маленькая женщина Катя Павлова надумала что-то приготовить среди ночи и всех накормить, но ей попались тухлые продукты.

Я стучалась к ней, девчонки одергивали меня. Но тут появился Юрка – хозяин дома. Он знал, что делать, и он тут же выломал кухонную дверь. Задвижка только хрустнула. Катя лежала на полу, голова – под откинутою дверцею духовки.

Юрка перекрыл газ и распахнул окна, и тут же в кухне завохотала, зашумела, замахала руками Юркина соседка по площадке, Зинка, немногим старше нас. Ее стало так много, что непонятно было, где там в глубине квартиры на каком-то из многочисленных диванов лежит маленькая женщина Катя Павлова.

На время вечера у Юрки прекратились. После он стал приглашать нас снова, и все шло как шло. Конечно, Юрка говорил, чтоб приходили только свои. Свои – это наш класс. Потому что Катя Павлова училась теперь с «бэшками». Родители перевели ее. И когда я видела ее в школьных коридорах, я не могла сказать о ней ничего толкового. Даже – осталась ли она той же единственной во всей школе маленькой женщиной или стала обычной надутой «бэшкой», такой же, как они все.

Впрочем, обсудить это мне было бы не с кем, даже если б я захотела. В классе у нас как-то быстро забывали тех, кто переставал учиться с нами.

Среди одноклассниц я по-прежнему выглядела младше всех, и всерьез об отношениях полов я стала думать уже ближе к выпускному классу, когда по биологии начались «Основы генетики».

Биологичка у нас была та же, Светлана Карповна. Она благополучно вылечилась от инсульта. Губы у нее теперь, правда, часто дрожали, и подбородок тоже. Мы не всегда могли понять, что она хочет сказать. Мальчишки пытались над ней смеяться, и она стала кричать на нас больше прежнего. А что кричать? Я слышала, как историчка говорила математику, что биологичке радоваться надо – ведь она так легко отделалась. Инсульт – не шутка.

И мало того, что она сама вылечилась! Она благополучно вылечила чудом спасенные нами с Кирпичом семена, прорастила их, и школа в самом деле превратилась в участок какого-нибудь экзотического национального парка, каких не было больше нигде в нашей степной округе может быть на сто, а может и на тысячу километров.

И при этом никто не думал покушаться на экзотические растения. Они проходили все стадии своего роста и благополучно давали семена, которые Светлана Карповна, видать, кому-то продавала потихоньку, кому-то давала в обмен.

Летом ученики с утра до вечера, сменяясь, должны были охранять небывалые цветы. Но главное, как считали наши учителя, было то, что мы, дети, сами трудились на школьном участке. Бессчетное количество анонимных рук проводило бессчетное количество анонимных семян через все стадии развития растений.

Мы работали вместо биологии, и вместо труда, и вместо каких-то еще уроков. Мальчишек и девчонок обычно выводили на разные делянки, и я редко сталкивалась с Бобровым. Может быть, он тоже помнил о страшной клятве и тоже, как я, пытался забыть о ней?

Учителя нам твердили с утра до ночи, что наша школа – это школа труда, труд – главный предмет, который понадобится нам в жизни. И этим воспользовался пришедший в нашу школу новый географ, бывший военный, участник боев в какой-то почти анонимной горячей точке.

Где-то в хитросплетениях педсоветов смог одержать верх над старушкой Светланой Павловной и убедить остальных, что школа уже превратилась в цветущий сад. И главное, чего нам теперь недостает – это бомбоубежища под этим садом, а заодно и стрелкового тира в подвале, где каждый ученик смог бы подготовить себя к службе в армии.

У нас уже есть урок, на котором мы проходим про службу в армии и про бомбоубежище, а заодно про то, как надо вести себя во время землетрясения. Егор Петрович, самый старенький учитель в нашей школе, рассказывает нам, что лучше всего сидеть в это время под столом, который стоит в дверном проеме.

Мы сдвигаем его стол к двери, а заодно все другие столы сдвигаем к стенкам и ставим друг на друга. Теперь посреди класса много места и можно танцевать. Без музыки, тихонько, разучиваем мы быстрый вальс.

– Раз-два-три! Раз-два-три! – командует Егор Петрович.

У него богатый жизненный опыт. И он говорит, что его опыт подсказывает ему, что у нас не так много шансов умереть под бомбами или во время землетрясения. А если и случится такое с кем-нибудь – то, что же, от судьбы не убежишь. И что, пока мы живы, нам в любом случае сможет пригодиться умение танцевать.

– Раз-два-три! Раз-два-три!

Но наш новый географ пришел и сказал, что такие уроки никуда не годятся.

Вместо танцев мы будем теперь работать.

Сначала все испугались. Но девочки вскоре смогли воспрянуть духом. Оказалось, в качестве рабочей силы географа интересовали только мальчишки. Их снимали чуть ли не со всех уроков. Зато у девочек в портфелях появились новогодними стекляшками пузырьки с лаком для ногтей и вечно проливавшийся, наполнявший класс предательским запахом, ацетон. А этот запах в опустевших наполовину классах сам по себе наводил на мысль о различии полов.

Мы уже прошли анатомию человека. Светлана Павловна упирала в своих объяснениях на тычинки и пестики. Мальчишки, которых тогда еще не посылали строить бомбоубежище, спрашивали, куда именно – на тычинку или на пестик – надо надевать презерватив.

От генетики я ждала еще большего веселья. Но тут началось строительство военных объектов. Конечно, я заранее приготовила пару-тройку вопросов насчет того, каких нужно взять производителей, чтобы получить тех или других мальков, и представляла, как буду подробно расспрашивать училку, чтобы в конце концов выставить ее перед классом полной дурой. Но теперь я подозревала, что мои вопросы прозвучат скучно, как все, что звучит в пустоте, а должно звучать среди заинтересованных собеседников. Девочки в аквариумистике ничего не понимали, а из мальчишек в классе оставляли только скучного Ваню Корнева. Его родители нарочно просили учителей не снимать его с уроков, потому что он будет учиться дальше.

Где и на кого он собирался учиться, про это я стеснялась у него спросить, но с ним мне было все же проще сидеть за партой, чем с нашими девочками, которые все как одна становились поразительно похожими на «бэшек».

Светлана Павловна раскрывала потрепанный учебник и говорила прочесть от сих до сих, а потом еще вот здесь и вот здесь прочесть – а это вам, так и быть, не надо.

В классе она выглядела сникшей. Ее тяготила невозможность взять в руки тяпку или лопату, или хотя бы маленькими движениями пальчиков начать просеивать семена. И при этом, конечно, чтобы все вертелись вокруг нее, чтобы задавать полуиспуганные вопросы – так или не так. А вместо этого все знали, что все идет, как надо. Узоры на ногтях делались с каждым днем все замысловатей, не только на руках, но и на ногах, в открытых босоножках – и это в разгар зимы! – и ацетоном теперь была пропитана вся наша школа, готовая вот-вот разверзнуть чрево свое гигантским бомбоубежищем.

Сидеть нос к носу с кем-то и молчать неловко. Чтобы хоть как-то поддержать разговор, я попыталась рассказать Светлане Павловне и Ване, как мы с отцом выводим новые раскраски рыб. Но тут Светлана Павловна махнула рукой и, уткнувшись в наш журнал, расплакалась. Она сказала, что ничего не понимает в генетике. И во многом другом, что мы проходим на ее уроках, тоже мало понимает. Она любит только сажать цветы. Когда в ее руки попадают новые незнакомые семена, ее руки уже сами знают, что делать с ними, а про все другое надо читать в книгах, а книг она в свое время мало прочла.

Читайте, пока не мешают, говорит она нам. Вырастете – не так-то просто будет читать книги.

В дуращем аромате ацетона она рассказывает дикие вещи.

Вроде того, что ее мама бросала книги в печку. И тетради заодно. Там были даже чужие конспекты, которые она брала на время. Вот стыдно-то было потом! Как отдавать?

А все из-за того, что когда Светлана Павловна стала без отрыва от завода учиться в институте, она перестала работать на станке. Ее перевели в другое место, где было – в одну смену. Но там платили меньше денег. И ее мама хотела, чтобы все шло, как прежде.

– Но вы же были уже взрослой! – сказала я. – Почему вы не могли делать, что сами захотите?

Светлана Павловна берет меня за руку мокрой рукой.

– Какое там! Ты слышь, она и с мужем-то меня развела, мамка... Он зашитый у меня, больше не пьет...

– Как – зашитый? – спрашиваю я.

Умный Ваня покровительственно отвечает:

– Ну, что непонятного-то? Завязать мужик решил! Вот и зашился...

– Зашился, зашился! – кивает учительница. – Приходит ко мне, плачет. И я плачу. А мамка ему: иди мол, отсюда. Нету другого у Светки, и тебя ей не надобно.

– А вы что сама говорите? – пытаюсь я прояснить ситуацию.

– А что она-то, – перебивает меня умный Ваня Корнев. – Что она скажет? Ты посмотри на нее. Только и остается плакать, когда мамка дома.

– Так она всегда дома, – вздыхает Светлана Павловна. – Лежит она у меня. Я почему так быстро на ноги встала? Нельзя так, чтобы две бабы в доме – и обе в лежку лежат. Кто за нами обеими ходить-то будет?

«Вы поправились, когда нашлись семена! – могла бы сказать я. – Те, что от английских лордов!»

И это было бы чистой правдой. Но, конечно, я ни за что не скажу это вслух!

Я спрашиваю:

– А почему вы не поедете отсюда в Англию?

Учительница теряется, и сразу видно, какая она уже старая – как будто все морщинки становятся глубже от удивления. Даже те, которых было вовсе незаметно.

– В Англию? Куда, зачем?

– Как – зачем? Выращивать цветы...

– Ты дура, что ли? – спрашивает Ваня Корнев. – Говорят тебе, мамка у нее здесь. Лежит. И муж тоже... Приходит. Значит, нужен он ей.

– Нужен? – спрашиваю я.

– Конечно, нужен! – говорит Ваня. – Организм-то требует мужика.

– Требуется?

– А как по-твоему?

Вот тогда я и задумалась по-настоящему об отношениях полов. Запах ацетона приобрел новый глубокий смысл. Так же как и то, что у всех девчонок теперь танцует под кофточками, стоит только ускорить шаг. У одной меня фигура оставалась детской, но мама говорила, что всему свое время – и мое время тоже когда-нибудь придет.

Все вдруг приобрело смысл! И то, что один раз, когда я опоздала на уроки, в коридоре меня перехватил Генсаныч.

– Ты еще встречаешься с учителями? – спросил он.

Напуганная, что мне попадет за опоздание, я не поняла его:

– Встречаюсь... Каждый день... Я ведь учусь здесь еще...

– Твой папка не обрадуется, когда узнает, – сказал Генсаныч.

– О чем? – спросила я его. – Что я опоздала?

– Ну, да ты артистка! – ответил он. – Что будем делать?

Я попыталась шмыгнуть мимо него. Он крепко схватил меня за локоть.

– После уроков дожись меня за школой. Где теплица. Только в саму теплицу не заходи. Там эта ведьма старая...

Через пару дней он караулил возле пустой учительской, когда физичка на уроке послала меня за мелом.

– Что будем делать, Рыбка? – спросил он.

Я растерялась. Откуда он знает, что в классе меня называют Рыбкой? И потом – я удивилась, что должна что-то делать вместе с ним.

– Надо быть послушной девочкой, – сказал Генсаныч. – Ты смотри. А то ведь мамка с папкой не обрадуются, если к вам придут.

– Кто придет? – спросила я.

– Ну, кто? – неопределенно сказал Генсаныч. – Найдутся... Кстати, как у вас идет торговля? Я знаю, что вы продаете рыбок.

– Об этом все знают, – сказала я. – Но мы все больше для себя разводим. Ради интереса. А что-то продаем, люди берут... Но грабить нас нет смысла. У нас на самом деле одни только рыбки...

Так мама всегда говорит знакомым. А что – все правильно говорит.

Потом я слышала, как она спрашивала у отца:

– Я не понимаю, что им от нас нужно. У нас ведь только рыбки. Я не понимаю, почему людям могут помешать аквариумные рыбки.

Отец кивал на меня, и мама замолкала. Как-то я попыталась спросить, кому на самом деле мешают аквариумные рыбки. И папа сердито сказал маме:

– Я тебя предупреждал.

А еще один раз, когда она в отчаянии спросила у него, что нужно каким-то людям от нас, он со злостью посоветовал ей выйти на балкон и покричать оттуда во весь голос, что у нас только аквариумные рыбки. Авань поможет.

Я не могла понять: поможет – в чем? Про это мне все равно не скажут.

Однажды наступило воскресенье, и папа сказал, что мы не будем больше ездить на колхозный рынок.

Тайные нити, все приводившие в движение – или останавливавшие то, что хотело двигаться – стали вдруг почти видимыми мне. Все, все приобрело свой смысл! И то, что маленькая женщина Катя Павлова учится теперь с «бэшками», и что красавица Таня Семенова пикируется до сих пор с когда-то неуклюжим, мужающим прямо на глазах и превращающимся чуть ли не в героя Голливуда Генкой Минаевым:

– Ты, Джомолунгма!

– А ты пик Коммунизма!

Маленький, крепкий, как молодой боровичок и всегда знавший, что делать, Сашка Бобров должен был пережить с кислейшим видом их перепалки. Мог ли он сам претендовать хотя бы на звание какого-нибудь холмика в окрестной степи?

Однажды на перемене Бобров подошел ко мне и спросил, много ли у меня сейчас рыбок.

И в этом тоже был особый смысл.

Его было столько, что я и слова вымолвить не могла.

Родители заглядывали в аквариумы чаще, чем в мой школьный дневник. Мама твердила, что все рыбы – и те, что дохнут в стадии зародышей, и те, что выживают, еще сыграют свою роль. Они помогут мне когда-то в будущем не стоять в цехе за станком и не торговать с утра до ночи обувью на рынке. В рыбах, без сомнения, был свой, отдельный смысл. Но Бобров спрашивал о них вовсе не затем, чтоб все это узнать. С Бобровым мы не разговаривали к тому времени уже, наверно, целый год. Или еще больше. Он вообще мало с кем говорил, с тех пор, как Катю перевели к «бэшкам». И два смысла столкнулись теперь друг с другом.

– Я только хотел спросить, – стал оправдываться Бобров. – Я ходил на базар. Мать послала меня... за луком. Вы сперва стояли с отцом, в подвале, где животные, а после не стали там стоять. А потом гляжу – снова стоите...

– Так это, – говорю я, – это все дело в Ирке!

– Как – в Ирке? – не понимает он. – В Ирке, которая у «бэшек» учится?

– Почему у «бэшек»? – спрашиваю я.

Ничего-то он не помнит!

– Ирка, ну... Мы вместе ходили в свиньям! И в сумасшедший дом!

В субботу, открывая дверь своим ключом, я почувствовала, что в доме что-то не так. Это всегда чувствуешь. Родители еще не начали на тебя кричать, но вот-вот начнут.

Мы тогда не продавали рыб. И я знала, что мама с папой дома. И что лучше бы их сейчас не было. Потому что бывают такие часы, минуты в твоей жизни, которых вообще не надо, чтобы они были.

Снимая ботинки, я раздумывала о том, что в чем я недавно могла проштрафиться. Родителям были известны мои оценки. Знали они и то, что я вчера забыла сдачу в магазине.

Когда я вошла в комнату, оказалось, что у нас гости. Их было четыре человека, а может, пять, я не запомнила. Они сидели и молчали. И папа с мамой тоже сидели и молчали. Я знала, что все плохо, только не знала, почему.

И тут вдруг я увидела на диване Иркиного отца!

Он совсем не такой красивый, как Ирка. И он не похож на индейца. Но все равно я сразу узнала его. Сначала я подумала, что он уже старый человек. Как будто это было важно. А потом я поняла, что сейчас умру. Упаду на пол и буду, пока еще жива, изо всех сил колотить об пол ногами. Сто раз мне говорили, чтобы я так не делала. И я не делаю так, потому что я уже выросла. Поэтому я бросилась к Иркиному отцу, обняла его и уселась к нему на колени. Так делать тоже нельзя, если ты почти взрослая, но я же думала, что сейчас что-то случится. Потому что я чувствовала, что все плохо, но видела, что все хорошо. Ведь Иркин отец у нас!

– Где Ирка? – сказала я ему.

Никто не собирался отвечать мне.

Я стала трясти его и спрашивать:

– Где Ирка? Почему вы не взяли ее собой? Когда вы приведете ее к нам?

Иркин отец сидел-сидел, а потом резко поднялся, и я оказалась на полу.

– Где Ирка?! – заорала я с пола. И, понимая, что мне все равно не ответят, спросила: – Ей там хотя бы хорошо?

– Не надо тебе знать, где Ирка, – сказал ее отец. – Не будешь ты там, где моя Ирка.

Потом повернулся к моему папке:

– Мы уходим, хозяин.

И в самом деле, все встали и ушли.

Он выходил последним. В дверях он оглянулся назад и так, вполуобороте, сверкнул на меня глазом. И я подумала: «Вот что означает – сверкнуть глазом». И тут же вспомнила Кирпича. Кирпич рассказывал нам про слова, как они могут значить то одно, то другое – поди в них разберись!

– Забудь обо всем, хозяин! – сказал Иркин отец.

Потом родители ругались между собой, но мне так ничего от них и не перепало за то, что плохо себя вела. Папка говорил, что не нужна ему никакая торговля, сыт он по горло, и что он выкинет аквариумы на помойку. А мама отвечала, что они к нам больше не придут, а рыбы здорово помогут мне в жизни, не надо лишать меня такой возможности...

Как я могла рассказать обо всем Боброву? Тем более вот-вот будет звонок... Да и нужно ли Боброву все, что я могла бы рассказать? Из глаз у меня брызнули слезы, как в тот день, когда он вернулся в класс с маленькой женщиной Катей Павловой.

Я отвернулась и быстро пошла по коридору.

И тут в дальнем конце, у дверей, я увидела... Его! Нашего Кирпича! Григория Деевича!

Он стоял, озираясь по сторонам, точно не узнавал нашей школы. Еще бы! У входа громоздились кучи мусора. Мальчишки таскали его на носилках из подвала. Весь пол был в белых меловых следах. Куски цемента валялись там и здесь.

Тут прозвенел звонок. Пора было возвращаться в класс. Я испугалась, что кто-то попробует меня туда загнать, а потому помчалась к Кирпичу со всех ног. За спиной я слышала бухающие шаги. Сашка Бобров бежал вслед за мной. И Ваня Корнев, который будет учиться дальше. И еще несколько ребят были там с нами. Гена Минаев и Таня Семенова, например. Они, оказывается, не такие уж большие. Таня Семенова ростом с Кирпича, а Гена – только чуть-чуть выше.

Когда я увидела, сколько ребят в школе рады Кирпичу, я испугалась, что кто-то обгонит меня, а потому летела со всех ног. Давно я так не бегала. Теперь никто не мог сказать, что я ношусь по школе с грязными коленками. На уроках я оттирала коленки ацетоном. Но тут я растянулась в коридоре будь здоров! Платье сразу перемазалось

цементом, колени саднило. Кирпич подскочил и поднял меня вверх. Хорошо, что я не выросла, как Таня Семенова!

– Кирпич рыбку поймал! – услышала я за спиной, и несколько человек рассмеялись. Ну и пускай смеются! Я вцепилась в Кирпича двумя руками – чтоб ему труднее было поставить меня на пол и чтобы оттеснить всех остальных – и громко расспрашивала его:

– Григорий Деевич, а вам есть уже тридцать лет? А сорок лет? А деньги у вас есть? А жена у вас есть теперь? А маленький ребенок?

– Я думал, вы снова у меня будете, – отвечал Кирпич, смущенно улыбаясь.

– В наш класс? Вот это правильный номер! – оценил Сашка Бобров.

Другие радостно загудели.

– Да нет, ребята, – со вздохом сказал Кирпич. – Вы ведь уже выпускники. А мне руководство школы порекомендовало снова начать с малышкой... С шестиклассников...

Мы – выпускники. Нас выпускают на все четыре стороны. Выплескивают, как рыбок из аквариума. Пусть не на грядку, в рассаду помидоров, где мы бы сразу задохнулись. Нас выплеснут в более подходящую среду. В какую-нибудь захлавленную речку, куда сливаются отходы с нашего завода. Там по воде будут плыть радужные нефтяные пятна, и мы сквозь них будем смотреть на солнце. Не каждая рыбка выживет в такой реке. Но некоторые все же ухитряются там жить.

Кирпич пришел не к нам. Он будет вести уроки у шестиклассников. У этих малышек! Чтоб ему снова подкладывали в сумку ужей и тараканов! И рисовали на доске его портрет – его же так легко нарисовать.

И кто-то скажет им, как его звали мы. Это уж как пить дать! Или сами догадаются. Ведь редко кому так подходит прозвище, как ему – Кирпич. Так что будут дразнить его, еще как будут.

Эти малявки – что они в жизни понимают!

Все тексты взяты из открытых источников и выложены на сайте для не коммерческого использования. Все права на тексты принадлежат только их правообладателям.